

КЛЕТКА*

Одноактная пьеса

По мотивам рассказа Франца Кафки «Голодарь»

Действующие лица:

*Голодарь
Импресарио
Барабанищик*

Декорации:

В центре сцены – небольшая клетка, размер которой, однако, позволял бы актеру свободно работать.

Еще до прихода зрителей Голодарь помещается в клетку, покрытую черной тюлевой тканью. Голодарь наполовину гол.

Аксессуары:

*Часы
Солома
Сосуд с водой и губка
Большой игрушечный тигр/кошка
Барабан
Поднос либо тарелка
Хлеб/сэндвич*

* Пер. с турецкого – А. О. Гуров

Импресарио, танцуя под звуки музыки, появляется на сцене. Приветственно снимает перед зрителями шляпу. Возможно, некоторым жмет руку – на усмотрение актера. Но при этом помнит, что должен вести шоу. Следует избегать вычурности как в пластике, так и в гриме Импресарио.

Импресарио: Дамы и господа! Добро пожаловать. Сегодня ровно сороковой день. Среди нас есть те, кто приходит сюда с самого первого дня. Кто-то же, наоборот, сегодня здесь впервые. Но пусть они не беспокоятся, ничего важного они не пропустили. Ах, хотитие верьте, хотитие – нет, но он все прекраснее с каждым днем! О ком это я? О ком же еще, конечно о сидящем за этой занавеской нашем Мастере голодовки! Сказать по правде, в наши дни голодари уже не столь популярны. В прежние времена они работали за огромные гонорары, теперь же соглашаются даже на самые скромные условия. Но есть и хорошая новость. В самом начале представления у нас было очень мало зрителей, теперь же, как видите, у нас собрался весьма солидный круг почитателей данного искусства. И это, конечно, не может не радовать. День ото дня задача для нашего голодаря все усложнялась, но от этого его мастерство становилось только ярче и блистательнее. Очень скоро опыт голодания будет повторен, но с каждым разом мы задаем голодарю все более высокую планку. Все начиналось с двадцатидневной голодовки, а на сегодня мы наблюдаем нашего мастера голодающим уже сороковой день подряд! В следующий раз это будет уже 41 день. Так что, следите и оставайтесь с нами! Ну что ж, не стану больше томить вас ожиданием. Рад представить вашему вниманию нашего Мастера, сорок дней живущего без еды! *(Барабанная дробь, Импресарио поднимает занавес, в клетке мы видим Голодаря, сидящего на полу. Он слегка приподнимает голову и приветствует зрителей. Он бледен и устал).* Вы только взгляните на эту изящную худобу! Косточки можно пересчитать! Какие тощие кисти рук, какая бледность лица. Это тело не принимало пищи целых сорок дней. Смотрите на него, и ваша жизнь покажется вам сказкой. Возможно, кто-то решит, что мастер тайком что-то все-таки ест.

Голодарь: Ни в коем случае!

Импресарио: Видите, как это его злит. Я вам скажу, он крайне обидчив, если дело касается его искусства. Слишком горд. Остро реагирует даже на малейший намек. А на днях он даже жаловался мне, что по ночам охрана, вместо того чтобы не спускать с него глаз, играла где-то поодаль в покер. Он расценил это как поблажку, дескать «мы тут пока поиграем, а ты незаметно перекуси там что-нибудь». Представляете! Ему подавай только одно: беспрестанное наблюдение. Я поначалу удивился, но потом подумал: вот что значит настоящий увлеченный мастер своего дела. Из медицинского института приходили люди, просили провести осмотр, для науки, но он ото всех отмахнулся. Сорокодневный голод должен, по всем правилам медицины, привести жизненно важные функции организма в крайне тяжелое состояние, а он жив-здоров, и даже начал выступать с какими-то философскими речами. И именно это он вам сейчас и продемонстрирует! *(Голодарю)* Ну, друг, теперь твоя очередь. *(Барабанная дробь)*

Голодарь: Пригоршня земли под ногами – вот всё, что может покрыть собою человек, и осознавать это – великое счастье. Я не пытаюсь побороть в себе эго. Желать возобладать над своими страстями значит хотеть быть активным в любой точке бесконечного множества лучей, распространяемых верой. Но если мне придется так окольцевать себя, то я уж лучше просто, не производя никаких действий, буду с

открытым от восторга ртом наблюдать, как свершается великий миропорядок. Пока я думал, что буду, словно ворона, жить долго и в свое удовольствие, я...я...я...я.
(Импресарио выплескивает на его губы немного воды) Пока я думал, что буду, словно ворона, жить долго и в свое удовольствие, я обрел себя. Я не чувствовал потребности в вере. Я просто старался поспевать за убегающим от меня временем. Меня вдохновляла земля, на которую я наступал. Наши тела никогда не пересекаются, но пересекаются пути нашего развития, это - один на всех путь. Быть может, нас объединяют лишь наши общие страхи и боль. Но гордиться этой болью не нужно. В один прекрасный день...
(Импресарио ударяет палкой о клетку) В один прекрасный день в тебе все может измениться, человек растворяется и тает в процессе жизни, слабеет с каждым днем. За один день ты можешь быть изгнан из рая. А потом, в один из дней все могут возжелать вновь вернуться в рай. Один день – это более, чем достаточно. Один день, один день. Один день. *(Обессиленный падает ниц. Барабанная дробь)*

Импресарио: Великолепное выступление! На самом деле в его словах кроется глубочайший смысл. А знаете ли вы, что будет в конце сегодняшнего дня? Клетка с нашим артистом откроется, и он выйдет наружу, где его будет ждать накрытый стол.

Голодарь: *(издает звук подавляемой тошноты)*

Импресарио: Видите, видите, как он противится! Его бы воля, он бы еще голодал и голодал. Хочет установить мировой рекорд, да что там мировой - галактический, вселенский рекорд!

Голодарь: Моя цель не рекорд. Я просто хочу показать людям пример того, что необходимо и можно избавляться от плохих привычек. Не бойтесь остаться голодными. Голод – это великое благо, его обязательно стоит испытать. Зачем вы ограничиваете меня сорока днями? Я не хочу есть. Я могу продержаться гораздо дольше. Вы лишаете меня моей славы.

Импресарио: До чего же он мудр и светел! Вы слышали, что он говорит, мы лишаем его славы! Да ты уже прославлен с избытком, дружище!

Голодарь: Ты не понимаешь.

Импресарио: Почему ты так решил?

Голодарь: Не слушаешь меня.

Импресарио: Дружище, не время сейчас.

Голодарь: Но ведь...

Импресарио: Каждое слово голодающего на глазах у публики человека воспринимается особенно остро. Так что, если ты хотел абстрагироваться от зрителей, поверь, тебе это удалось, как и все, что ты делаешь. А слава - она и так у тебя есть. Да, уважаемые зрители, теперь у нас для вас есть маленький сюрприз. *(Подает барабаничику знак. Барабаничик выносит тарелку с фруктами, овощами, хлебом и т.д. и ставит перед клеткой)* А теперь, дорогие зрители, в этой части нашей программы...

Голодарь: Не кормите меня! *(обессиленно падает)*

Импресарио: Ну, ну, дружище, ладно, ладно... *(Пытается выкрутиться из неловкого положения)* Приношу извинения от его лица за данный казус. Поймите, мы ни в коем случае не хотим причинить ему боль. Мы лишь хотим, чтобы вы стали свидетелями его непримиримой стойкости и силы воли. Но, как говорится, «сытый голодного не разумеет», и вы не утруждайте себя, уважаемые зрители. *(Указывая барабанищику на еду)* Эй, давай-ка унеси это. *(Голодарю)* А ты, друг, немного смочи губы. Приходи в себя, а я пока поведаю зрителям историю нашего знакомства.

Четырнадцать лет тому назад я помогал моему отцу в цирке. Убирал за животными, кормил их, купал, в обслуживал вольер. И вот однажды я чистил клетку обезьян и заметил, что под соломенным настилом что-то шевелится. Я взял длинную палку, и только собирался ткнуть ею, как вдруг из-под соломы показалась голова человека. Это и был наш с вами голодарь. Я сразу позвал отца, и мы вытащили его из-под соломы. Он не разговаривал и был так же тощ, как и теперь, представляете? Мы отнесли его к врачу, но нам сказали, что он в хорошем состоянии. Единственное, что он пробормотал, это то, что он не ел 32 дня. Мы попытались его накормить, но он отказывался. Лишь съел немного похлебки. Поначалу мы, было, решили, что это какой-то религиозный подвижник. Если честно, мы и до сих пор не поняли до конца его мировоззрения, но оно показалось нам крайне интересным. Он был не просто доволен своим таким положением, но и гордился этим. Точно, как сегодня. Через какое-то время он признался, что очень впечатлен красочностью и пышностью нашего цирка и хотел бы работать с нами. Отец согласился, и так началось его восхождение по ступеням славы. Мы много и непрерывно гастролировали с ним. Получали высокие зрительские оценки. И продолжаем получать до сих пор. *(Голодарю)* Ты как там, пришел в себя? *(Голодарь кивает головой)* Я бы хотел поделиться с вами еще одним талантом нашего Голодаря: он кроме всего прочего еще и великолепный писатель. Да-да, так и есть. Он пишет такие замечательные вещи! И прямо сейчас он прочтет вам что-нибудь. Друг, ты готов? *(Голодарь встает и под звуки барабанной дроби и колокольчика начинает свою тираду)*

Голодарь: Смерть - это и вправду очень больно. Хоть и не доводилось испытать мне этого чувства, одной мысли о ней бывает достаточно. Мысль о смерти не дает мне покоя. Все жду ее. А время будто замерло. Дни, часы повторяются снова и снова. Знаю, когда-то настанет этот миг. И что я тогда буду делать? Не знаю. Я познакомился с одной мышью в моей клетке. Ее, точнее его звали Франк. Он так же, как и я, все ждал смерти. Однажды он рассказал мне, что на его нору нападают какие-то враги. И что он лишь слышит их голоса, но не видит их самих. В его норе был лишь один вход, но он проделал несколько выходов. Я поинтересовался, зачем он это сделал. На что он ответил мне: «Чего только не сделаешь от страха». Сколько я не твердил ему, что не стоит бояться смерти, он не верил мне. В конце-концов, он сказал, что всегда нужно иметь несколько выходов, и убежал. Я скучаю по Франку. Наверное, его настигли враги и давно уже разорвали на куски. А может, он умер своей смертью. Кто знает... Быть может, еще повстречаю его где-нибудь.

Импресарио: *(Перебивая Голодаря)* Ну что ж, достаточно, друг мой. Прекрасно! Замечательная история. *(Голодарь опускается на пол)*

Голодарь: Ты видел Франка?

Импресарио: Ха-ха-ха, Франк, мышонок-то? Да он просто мышь, которая только нападала на клетки, и всё.

Голодарь: Это ты убил Франка?

Импресарио: Нет, друг мой. Он просто умер. Его убили другие животные.

Голодарь: Франк...говорил, что слышал только их голоса, но не видел их самих.

Импресарио: *(Смеясь)* Если хочешь, можешь завтра же отправляться к своему Франку.

Голодарь: НЕТ! Я должен голодать.

Импресарио: Почему?

Голодарь: Я люблю это место.

Импресарио: Любишь за что?

Голодарь: Это мой долг. Голодать – это мой долг. Люди приходят, чтобы посмотреть на меня.

Импресарио: О, Господи, таких как ты еще поискать! Не так ли, уважаемые зрители? Вы не поверите, я даже предлагал ему другую работу, но он и шагу не сделал из клетки. Причем, достойную работу.

Голодарь: Уходить и возвращаться, уходить и возвращаться. Повторять и повторяться. Мы прогнили с ног до головы. Я прогнил. Я пробовал не раз. Шел, бежал, не двигался, сгорал, темнел, желтел, краснел. Писал и пел. Сбегал и умолял – но все напрасно. Молился – без толку. Терял и находил – впустую тратил время. Артистом стал, не помогло. И только в голоде обрел желанный смысл.

Импресарио: А вот это ты хорошо сейчас сказал! *(Хохочет)*

Голодарь: И только в голоде обрел желанный смысл.

Импресарио: Верно, совершенно верно. Голодание и демонстрация этого таланта делают тебя особенным, все верно.

Голодарь: Спасибо. Я хочу голодать. Но когда-нибудь все кончится. На 45-й, на 50-й или 11-й. День. В любой день все кончится.

Импресарио: Дорогие друзья, в конце каждого цикла голодания мы кормим его, насильно. Как бы он не сопротивлялся, мы вынуждены это делать. Почему? Потому что хотим, чтобы как можно больше людей увидели его необычайный талант. И как вы все могли слышать только что, он и сам этого хочет. Однако, вчера произошел один досадный инцидент. Пока наш мастер пребывал в одиночестве, один из зрителей остановился напротив вот этой таблички и сказал: «невозможно столько дней жить без еды», пнул табличку ногой и обвинил нашего голодаря в фальши. А вы видите, как бывает раним мастер. В ответ на это из клетки раздался душераздирающий крик. Мастер назвал своего посетителя «безнравственным невежей, какого еще свет не видывал».

Голодарь: Мне не верят.

Импресарио: Мы тебе верим, друг мой.

Голодарь: Я хочу немного... *(с трудом заканчивает предложение)* почитать стихи.

Импресарио: Конечно, дружище, о чем речь. Эта сцена – твоя!

Голодарь: *(Приветствует зрителей. Барабанная дробь)*

Тебя не узнают: ни бык, ни инжир под окном,
Ни дети, ни полдень, ни лошади в доме твоём,
Твои муравьи перестанут тебя узнавать,
Теперь ты лишь труп и едва ли воскреснешь опять.

И камень тебе не подставит привычно спины,
И черный Атлант, что держал твои думы и сны.
Воспоминанья немые тебе не протянут тетрадь,
Теперь ты лишь труп и едва ли воскреснешь опять.

Лишь осень укроет корой мировой океан,
Тяжелыми гроздьями спелый нависнет туман,
И горы столбятся, тебя не придут поминать,
Теперь ты лишь труп и едва ли воскреснешь опять.

Теперь ты лишь труп и едва ли воскреснешь опять.
Все трупы похожи, и ты лишь один среди них
Такой же забытый, как все мертвецы на земле...

Импресарио: Поверьте мне, уважаемые зрители, я всякий раз теряюсь, не зная, о каком из его талантов рассказать. Друг мой! Это прекрасные стихи!

Голодарь: Спасибо.

Импресарио: Пожалуйста.

Голодарь: Я могу читать то, что написал. Мои записи. Я счастлив. Благодарю, что выслушали меня.

Импресарио: Бурные аплодисменты нашему мастеру! *(Зрители аплодируют, Голодарь радостно кланяется)*

Голодарь: Ты мне расскажешь, как умер Франк?

Импресарио: Ха-ха-ха, дружище, ну ведь это просто мышь. Я не знаю, какие у вас были взаимоотношения. Но какая разница, как он умер?

Голодарь: Он был моим другом.

Импресарио: Какой же ты впечатлительный.

Голодарь: «Ох, ох», сказал Франк. «Мир с каждым днем все меньше и меньше. Вначале он был таким огромным, страшно было подумать. Но я шел.

Импресарио: Это ты сейчас к чему? Первый раз... *(Не успевает договорить)*

Голодарь: В конце-концов меня стали радовать стены, когда я видел их вдалеке, справа и слева. Однако эти нескончаемые стены настолько быстро сдвигались, и вот я уже в последней комнате, а в самом углу ее – мышеловка, и я двигаюсь прямо к ней.

Импресарио: Первый раз я слышу это... Ну, что ж...

Голодарь: Тебе нужно просто изменить направление отхода, - сказала кошка и съела мышь.

Импресарио: Уважаемые зрители...

Голодарь: Тебе нужно просто изменить направление отхода, - сказала кошка и съела мышь.

Импресарио: Видимо, он снова вспомнил Франка. А наше шоу продолжается! Отложим пока разговор о Франке. Друг, я хотел бы задать тебе один вопрос. Сколько ты думаешь еще продержаться голодным? Ведь ты всю жизнь голодать не собираешься, не так ли? Да и всех людей здесь тоже, наверняка, волнует этот вопрос.

Голодарь: Я уже говорил. Если вы меня перестанете кормить, то я смогу голодать очень долго.

Импресарио: Ты всякий раз отвечаешь одинаково. Стареешь, видать.

Голодарь: Мы все стареем. Голод – это не есть плохо.

Импресарио: Да как же так, не плохо?

Голодарь: Не бойся. И когда голоден, и когда сыт - ничего не бойся.

Импресарио: Да ладно, с чего ты взял, что я боюсь? Правда, те, кто тебя видят в первый раз, испытывают нечто среднее между жалостью и страхом. Кстати, уважаемые зрители, если поначалу мы допускали детей в наше шоу, то теперь мы вынуждены установить возрастной ценз. И это сильно удручает нашего мастера. Ведь он так любил рассказывать детям сказки. И, как мы полагаем, в знак протеста он начал рассказывать их животным. И Франк, очевидно, был одним из его слушателей. Мы, было, решили, что он сошел с ума, но тут он начал забывать свои сказки и вовсе перестал их рассказывать. Если не находит себе слушателя, то очень быстро забывает. Как-то раз я сказал ему, еще до пика популярности, что у нас мало зрителей. А однажды к нам во время гастролей пришло только два человека. Представьте себе, только два. Так наш голодарь после этих гастролей спал, не просыпаясь, трое суток, от горечи и обиды. Мы думали, умер. К чему я, собственно, это все говорю, уважаемые зрители? А к тому, что нелегко был наш путь.

Голодарь: Я счастлив теперь.

Импресарио: Хм... Да-да. Уважаемые зрители, раз уж речь зашла о воспоминаниях, то позвольте рассказать вам еще одну историю из наших выступлений. В самом начале нашей карьеры, надзиратели непрерывно находились возле клетки нашего голодаря. Делалось это для того, чтобы в случае, если голодарь плохо себя почувствует, ему была бы оказана своевременная помощь. Надзирателями были добровольцы из жителей города, но по какой-то странной случаности, ими всегда были мясники. Они нарочно

приносили с собой куски мяса и вертели ими перед лицом мастера. Но это не смущало его, а напротив, он был доволен и даже угощал их завтраком за свой счет, и наблюдал, как они едят. Вот чудак, не правда ли! Что греха таить - даже мы в какой-то момент подумали, что он подкупает надзирателей.

Голодарь: ЛОЖЬ!

Импресарио: Мы знали, что он ничего не ест. Но он получал наслаждение, наблюдая, как едят другие. И до сих пор ничего не изменилось, так что, если кто-то захочет перекусить перед ним, пусть не стесняется.

Голодарь: Простите меня!

Импресарио: Конечно, конечно, мы тебя прощаем. *(Крутит у виска, обращаясь к зрителям)*

Голодарь: Мое единственное желание – чтобы вам понравилось представление.

Импресарио: Нам нравится представление? Очень нравится, не так ли, дорогие друзья?

Голодарь: Но было бы лучше, если бы вам не нравилось.

Импресарио: Хорошо, возможно нам и не нравится. Но почему это так важно для тебя?

Голодарь: Почему важно? Потому что я вынужден голодать. И однажды это закончится.

Импресарио: Вот это да! Это почему это ты вынужден?

Голодарь: Потому что я... потому что я никогда не найду пищи, которая пришлась бы мне по вкусу. Если бы я нашел такую пищу, поверь, я бы не стал чиниться и наелся бы до отвала, как ты, как все другие.

Импресарио: *(Хохочет)* Дождись окончания сегодняшнего дня, и наешься вдоволь. Мы, как всегда, силком накормим тебя. Или ты умереть хочешь? Так уж прямо и нет пищи, которая бы тебе понравилась? Вот уж и правда, ничего не понимаю. Мы готовы дать тебе любую еду, какую пожелаешь. Но ты доброго отношения, как видно, не понимаешь. Ну, что ж... Как знаешь... Вот, уважаемые зрители, иногда приходится сталкиваться с вопиющей неблагодарностью. Ну, а теперь, с вашего позволения, наш мастер должен немного отдохнуть. А через некоторое время мы вновь встретимся уже на улице у накрытого стола. Вы все приглашены! Давай-ка, друг. Ты тоже поднимайся, в таком виде за стол нельзя. Приведем тебя в порядок, а? Что скажешь? *(Голодарь неподвижен. Он умер)* Друг, э-эй? Уснул ты, что ли? *(Барабаницику)* Ну-ка, помоги. О, нет... Он умер... Так и есть, не дышит. О, Господи! *(Снимает шляпу)* Не могу в это поверить. Правда. Мы приносим извинения за случившееся. Но не волнуйтесь, ваши уплаченные деньги не пропадут зря – мы закажем ему шикарный гроб. В этой ситуации, право, не знаю, что и говорить. Мы потеряли нашего дорогого мастера. Очень дорогого. *(Барабанищик берет голодаря на руки и уносит. Импресарио смотрит ему вслед)* И клетка теперь пуста. Прошу вас, погодите, не расходитесь. *(Барабанищик приносит из-за кулис кошку или мягкую игрушку, дает ее Импресарио)* Вот, теперь это

твой дом, дружище. Как мило, не правда ли? Это особая масть, его доставили из Англии. Он ручной. Можете совершенно не опасаясь подойти и погладить его. Он не царапается, не стесняйтесь. А я покидаю вас, господа, мне нужно заняться организацией похорон. Приятного вам времяпрепровождения. *(Свет освещает локально только кошку. Свет гаснет).*